

Вы где родились, Борис?
— Не спрашивайте! Как только скажу — все убивают меня эрудицией!

- ??
- В Тамбове.
- «Тамбов на карте генеральной...». Не удержалась! А вот, хотите, сразу отгадаю первые вехи вашей биографии? Благо, отгадывать пока немного.
- Давайте.
- Так... Родились...
- Это точно.
- Бегали по зеленым улицам Тамбова.
- Это не очень точно...
- Участвовали в самодеятельности...

— А это уже совсем не точно! В жизни не был ни в одном кружке самодеятельности и вообще мечтал стать кем угодно, только не актером. Нет, биография у меня совсем не идеальна, знаете, как по схеме: еще в школе он начал увлекаться драматическим искусством! Он читал стихи и играл в школьных спектаклях! Не играл, И на олимпиадах награды тоже не получал. Захватило меня в 10 классе кино, и скорее любопытство, чем истинно осознанное влечение привело в театр — знакомый студент театрального института сказал, что там есть вспомогательный состав. И меня, знаете, приняли. Мама моя удивилась и даже огорчилась. Особенно, когда увидела, как я играл свою первую «роль» — забаленного негра в «Хижине дяди Тома». И пошли массовки... Но тут я уж «заболел» окончательно. Каждое занятие по танцу, фехтованию, сценической речи (а это наш главный режиссер Галицкий ввел в обязательном порядке) было маленьким и радостным открытием. Когда же открылась при театре студия, поступил и через два года закончил.

...В черном пакете из-под фотобумаги торчат углы старые фотографии — какой-то старик с явно приклеенной бородой, мальчишка в огромной кепке, а вот Сашка из «Барabanщицы»; Вася из «Именем революции».

Казалось бы, можно играть да играть. Молодого, способного актера тепло приняла труппа, по вечерам улицы родного города провожали его домой. Но удовле-

В ПОИСКАХ СВОЕЙ ТЕМЫ

творение не приходило. Все было будто бы хорошо, правильно, но свои же товарищи по театру, выпускники московского училища им. Щепкина знали больше, глубже, умели работать серьезнее. Театральные журналы, рецензии на спектакли, проблемные вопросы театроведческих статей — все будоражило, волновало, требовало своего решения ответа, позиции.

Нет, нужно учиться дальше, не теряя ни года, ни дня.

В старинном здании Вильнюсской консерватории на драматическом отделении появился новый студент. Четыре года пролетели захлеб — занятия, репетиции, волшебство красоты старинных улиц и стройная четкость новых кварталов, воспитание мастерства, вкуса, требовательности...

...Наш разговор продолжает:

- Кто был вашим педагогом?
- Головчинер.
- Головчинер? Виктор Яковлевич?
- Да.

Ну, тогда ниточка с Иркутском завязалась у вас давно. Ведь он работал здесь главным режиссером. Большой культуры был человек и отличный педагог.

Дипломные спектакли тоже оставили след в фотографиях — вот отталкивающее, циничное лицо Глухаря — «Два цвета»; напряженный взгляд Антипа Зыкова из пьесы М. Горького «Зыковы»; ироническая улыбка Алексея — «Увольнительная на сутки», лукавая, простодушная физиономия Косма — «Дама-навидимка» Кальдерона.

Оставаться в Вильнюсе после окончания не хотелось, несмотря на доброжелательное приглашение руководства театра. Молодого актера манила муза дальних странствий. География его не пугала. Экзотика сибирских просторов оказалась заманчивой

волжских берегов, курских соловьев, и Борис Кондратьев стал иркутянином.

Новый год — 1964-й — он в самом буквальном смысле встретил в Иркутском ТЮЗе, куда прибыл как раз 1 января, ночью.

Начать пришлось с роли Пьерро в старом спектакле «Золотой ключик». В это время шли репетиции «Конька-горбунка». Режиссер Роман Соколов увлек безудерж-

ной фантазией, поисками современной, яркой формы спектакля. Борис с интересом просиживал на репетициях, с удовольствием сыграл маленькую роль стражника — пустое тщеславие иных начинающих актеров, жаждущих лишь больших ролей, чтобы показать себя, было ему чуждо.

— И вдруг, представляете, в апреле Соколов предлагает мне роль Митрофана в «Недоросле», да еще в совершенно необычной и неожиданной трактовке! Я еще как-то не отстал от школьных, хрестоматийных представлений о Митрофанушке, а он все перевернул — я просто за голову схватился.

И вот на сцену Иркутского ТЮЗа вышел подвижной,мышленный паренек, с хитрым взглядом, с явным наличием юмора, избалованный, испорченный порочным воспитанием, достойный продукт эпохи и общества.

Тем острее звучала социальная тема спектакля, что становилось страшно, как может искалечить, уничтожить все, что заложено в человеке, глупость, жестокость и невежество. Хрестоматийная фраза — «злонравия достойные плоды» обрела смысл глубокий и точный.

Споры вокруг этого Митрофана было множество, но никто не мог отрицать, что на сцене живой человек, чья судьба нас трогает и для многих весьма поучительна. Митрофан Кондратьев выходил за рамки учебного пособия, мысль и чувство современного актера заставляли зрительный зал не только от души хохотать, но задумываться над проблемой воспитания человеческой личности.

— Ведь мы работаем в театре юного зрителя, это должно быть нашей основной темой. Конечно, я не могу судить, насколько мне удается это в своем творче-

стве, но в пылкой принципиальности девятиклассника Вадима («Огни и мы») и в трудной судьбе Шершавого — «19-й барак» мне хотелось поднять именно тему гражданственности, чести, совести (я не боюсь этих прекрасных слов) юности, моего современника.

За три года пришлось переиграть много, но работа актера уже не удовлетворяет Бориса Кондратьева. Ему хочется сказать свое слово в режиссуре, самому искать путь яркой театральности для выражения того, в чем он видит главную задачу театра, — в его высокой гражданственности.

— Умами молодежи владеет кино. Оно доступно, возможности его неограничены, но театр всегда останется оружием, более острым и действенным, — живой голос, дыхание и теплота актера всегда будут воздействовать сильнее. Только нужно научиться владеть этим оружием, надо оттачивать его и не бояться порезов. В своей первой и пока единственной режиссерской работе «Пузырьки» Борис Кондратьев попытался найти остроту и тесное общение со зрителем.

Маленькие герои спектакля задевали за живое и взрослых зрителей — ханжество, прохиндейство, пустословие еще не изжиты, и, если вовремя не встряхнуть, не направить правильно юные умы, то, право же, уместно вспомнить и Маяковского, который не без основания утверждал, что «...вырастет из сына свин, если сын свиноек».

Первый самостоятельный спектакль — в нем было много свежих поисков, находок, были нервозности в режиссерском решении, но все же стало ясно: молодой режиссер сделал перспективную творческую заявку. Что же дальше?

Надо учиться, учиться снова, жадно впитывая все, что дает знание. А сколько нового, неизведанного несет с собой работа актера, каждая новая роль. Нет, Борис Кондратьев не оставляет сцену, но вот уже второй год, как он учится на заочном отделении режиссерского факультета училища им. Щукина. Режиссура впереди, а сейчас — книги, экзамены, снова сессии и взмах преподавательской руки над студенческой зачеткой.

А в театре идут репетиции. Недавний выпускник этого же училища Владимир Симановский поставил «Город на заре» А. Арбузова — одну из самых взволнованных страничек советской драматургии.

Гражданский пафос пьесы, работа с молодым, ищущим режиссером — все это близко актеру Кондратьеву. Роль Альмана не дает ему покоя. Да и нужен ли он, этот скучный, блаженный покой, гибельный для подлинного творчества?

А. ЛЕВИКОВА.